

Бухта
Донегол
Алан Мёрфин

INSPIRIA

Москва

Бухта
Донегол
Алан Мёрфин

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44
М52

Alan Murrin
THE COAST ROAD
Copyright © Alan Murrin, 2024

Перевод с английского *Светланы Чулковой*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© KajaNi / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Мёррин, Алан.

М52 Бухта Донегол / Алан Мёррин ; [перевод с английского С. Чулковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211351-2

Ирландия, 1994 год. Колетт возвращается в родной город на побережье, чтобы собрать по крупицам старую жизнь, где были муж и сыновья. Но сделать это будет непросто – она покинула семью ради отношений с женатым мужчиной, и супруг запрещает ей видеться с детьми. Она прибегает к помощи соседки Иззи, чей брак тоже нельзя назвать счастливым... Смогут ли героини изменить свои жизни, зависящие не только от законов местного сообщества, но и страны?

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

© С. Чулкова, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211351-2

Пролог

*Ардгласс, графство Донегол,
март 1995 года*

Когда детектив спросил Иззи, что разбудило ее той ночью, она не могла сказать точно. В ту зиму она вообще страдала бессонницей, просыпалась по три-четыре раза за ночь. Она не стала упоминать, что впервые после двухмесячной размолвки спала в комнате со своим мужем. Захотев в туалет, она вышла на лестничный пролет и посмотрела на залив. В последнее время она часто искала глазами крышу коттеджа на том берегу. Небо заволокло облаками, сквозь которые сочился первый утренний свет. Там над землей стоял черный дым.

— Я уже знала, что произошло на самом деле. Еще до того, как увидела вблизи, я *знала*, понимаете?

— Но *откуда* ты могла знать, Иззи? — спросил сержант Фаррелли.

— Когда я увидела дым, то...

— Вы не так поняли вопрос, миссис Кивини, — вмешался детектив. — Как можно, находясь в двух милях от коттеджа и на другой стороне залива, знать, что был совершен поджог?

— Это уже совсем другая история, — сказала она.

1

Октябрь 1994

Уже были отслужены две утренние мессы, и воздух густо пропах фимиамом. Церковь была полна людей, и Иззи оказалась зажатой меж двух потных тел: каждый раз, поднимаясь с колен, она чувствовала, как в нее упираются плечи соседей. Иззи вытащила из рукава скомканную салфетку и вытерла пот со лба. Очень хотелось снять джемпер, но Иззи не была уверена, что прилично будет остаться в топе — кроме того, она боялась, что, стягивая джемпер, случайно оголит живот или спину или, не дай бог, пихнет локтем близстоящих. Нет, в это утро она не могла позволить себе такой разнузданности. Иззи подняла голову и уперлась взглядом в широкую спину Стаси Туми — горделивой, осанистой, плотно укутанной в васильковый кардиган.

Снова опускаясь на колени, Иззи почувствовала потный запах собственных подмышек. Она склонила голову и закрыла глаза. По церкви пронесся шелест молитвы.

— Господи, спаси и сохрани, — вторили прихожане.

Господи, спаси и сохрани.

Чтобы поспеть на мессу в половине одиннадцатого, Иззи с трудом выбралась из постели. Накануне вечером она слишком много выпила, подтверждени-

ем чему было сегодняшнее долгое ничегонеделание. Напивалась Иззи редко и не могла доставить Джеймсу удовольствие использовать сей факт против нее. Выскользнув из гостевой комнаты, чтобы заварить себе чай, Иззи сразу же наткнулась на разбросанные по полу картины. Вернувшись накануне вечером со званого ужина, она заявила Джеймсу, что будет спать внизу. Ее заносило из стороны в сторону, и она сбивала со стен все картины. Джеймс попытался схватить ее за руку, а Иззи пихнула его локтем под ребра. Он взвыл от боли и, конечно же, разбудил Найла с Орлой. В голове у Иззи так и застряла эта ужасная картинка, как ее дети стоят на лестничном пролете, с недоумением уставившись на нее.

Заварив себе чай, Иззи прошмыгнула обратно в комнату, не желая сталкиваться с домашними. И вот сейчас она стоит в церкви на коленях, слова коллективной молитвы отдаются в животе голодными волнами, а в голове проносится мысль сожаления о пропущенном завтраке.

— Господи, спаси и сохрани.

Господи, спаси и сохрани.

Она попыталась сконцентрироваться на широкой фигуре отца Брайана за алтарем. На нем сегодня литургическое облачение — идеально чистое и накрахмаленное, с золотой и серебряной отделкой, через шею перекинута епитрахиль с мелко вышитыми виноградными гроздьями и пшеничными колосьями. Когда он будет у нее в гостях, нужно будет обязательно сказать ему: «Брайан, какие прекрасные одежды были на вас в воскресенье и как они вам шли. Не видела ничего более красивого». Она знала, что именно этот момент в своей работе он терпеть не может

и вечно мучается, предстывая перед паствой в подобном виде. Иззи представила его кривую улыбку, когда он услышит эти слова, и легкий смешок.

Господь наш Вседержитель, уповаем быть спасенными волей Твоей.

Кто-то в передних рядах поднялся с места — высокая женщина с копной черных волос прошла к иконостасу и встала перед аналоем. У Иззи даже слегка перехватило дыхание. То была Коллетт Кроули во всем своем великолепии. До того красива, что хочется смотреть на нее до бесконечности. Какая гордая посадка головы. Какая стать, и этот грациозно вздернутый подбородок. Коллетт окинула взглядом паству, и губы ее тронула улыбка, словно она находила все это действие немного забавным. Словно и сама она всех дурачит и вовсе никуда не уезжала. Иззи видела, как Стася Туми тихонько ткнула в бок своего мужа. Несколько человек разобрал нервный кашель. Иззи поискала взглядом Шона с Энн, но их, кажется, не было на службе.

А потом Коллетт заговорила своим прекрасным бархатным голосом, сдобренным дублинским акцентом. Она читала отрывок из пророка Исаяи, но Иззи вслушивалась не в слова, а в сам голос — не просто людинки или южанки, а какой-то совершенно другой, и Иззи могла слушать его бесконечно. Все остальные тоже глядели на Коллетт, словно она была прекрасным видением. И когда Иззи перевела взгляд на отца Брайана, восседавшего в массивном мраморном кресле, она увидела, с каким приятием тот глядит на Коллетт Кроули.

Последовало ответствование: *Воздадим же Господу славу и всемогущество.* На взгляд Иззи, уж больно ве-

леречиво — разве у Бога недостаточно славы и всемогущества?

Затем, аккуратно ступая и придерживая длинную юбку, Коллетт спустилась с солеи¹. В полной тишине все зашевелились, переступая с ноги на ногу. Иззи видела, как напряглись скулы у Стаси Туми, когда она провожала взглядом идущую по проходу Коллетт, и как она расслабилась, когда Коллетт опустилась перед скамьей на колени. Между тем отец Брайан даже не шевельнулся, продолжая сидеть все так же неподвижно, в преисполненной достоинства позе. Руки его покоились на коленях, словно он все еще обдумывал каждое слово, произнесенное Коллетт. Иззи подняла руку, чтобы вытереть пот со лба, но оказалось, что она выронила салфетку. Иззи посмотрела вниз: раскрошившись, салфетка подобно снегу рассыпалась на подушечке для коленопреклонения.

* * *

Когда накануне вечером они ехали в машине по прибрежной Коуст-роуд, она подумала, что Джеймс не свернул на центральную улицу оттого, что не хотел проезжать тот магазинчик. Требовалось подписать бумаги и вернуть их агенту до сегодняшнего полудня, но Джеймс пришел с работы поздно. Развязывая на ходу галстук, он вошел в дом и стал ворчать, что, мол, теперь они опоздают на званый ужин. Она уже неделю как расписалась в купчей и оставила ее на видном

¹ Солея (греч. «возвышение») — возвышение перед иконостасом на одну-две ступени от пола, во всю ширину храма. (Здесь и далее — *прим. переводчика.*)

месте. И вот они едут по Коуст-роуд и молчат. А ведь свою подпись он так и не поставил.

На выезде из городка дорога круто брала вверх, становясь все уже и все ближе примыкая к берегу. Справа, ниспадая к Атлантическому океану, тянулись холмы, луна в ущербе (словно кто-то ножом отрезал от нее дольку) зависла низко над заливом¹.

Взяв лежащую под ногами сумку, она щелкнула замком, достала мятный леденец и громко закрыла сумку. Развернула фантик и стала сосать леденец, со стуком гоняя его во рту. Включила радио (заиграла ритмичная танцевальная музыка), выключила радио.

— Должно быть здорово ничего не хотеть от жизни, — сказала наконец Иззи. Она видела, как напряглись его руки, вцепившись в руль. На скуле в ее обозрении заходил желвак.

— Должно быть здорово — быть всем довольным, когда все желания удовлетворены, — продолжила она. — Вот бы и мне так.

— Ты же понимаешь, что этот разговор сейчас не к стати.

— А когда будет к стати?

— Не знаю. Может, просто объект неподходящий.

— Да его отдают за сущие гроши.

— Вот именно. И догадайся почему.

— Потому что здание находится в запущенном состоянии. А его всего-то нужно подштукатурить, покрасить и подремонтировать кое-где по мелочи.

— Этот объект прогорел как магазин подарков, как пекарня и как музыкальная лавка.

¹ Имеется в виду залив Донегол.

— Но не как цветочный магазин, которым заправляла я.

— Не так-то много ты на нем зарабатывала.

— Достаточно, чтобы радоваться и чувствовать себя счастливой.

— Послушай, это же пускание денег на ветер. Вот если б они снизили цену, то...

— Хватит! — выкрикнула она — Ты просто не собирался ничего покупать. Думал, что я успокоюсь, если ты просто потрясешь передо мной этой морковкой.

— Негоже избираемому члену городской власти скупать чуть ли не полгорода.

— Полгорода?! Полгорода?! Один-единственный вшивый магазин на главной улице — это, по-твоему, полгорода? Мне надоело оставаться без всего, только бы твои избиратели не посчитали нас слишком богатыми. — Она сердито сплела руки на груди и отвернулась к окну. — К тому же это не работает. Люди все равно думают, будто у нас полно денег.

— Что совершенно не соответствует действительности.

— Как будто я не знаю. Ты обогатил в этом городе всех, кроме нас самих.

Он вырулил из-за поворота, и луна снова оказалась в поле их зрения.

— Но этот магазинчик мы можем себе позволить, — продолжила она

Он остановился возле отеля.

— Ты что, хочешь испортить такой хороший вечер? — сказал он.

Она взгляделась в пары, скользящие вверх и вниз по ступеням «Парадайз Лодж». За стеклянными дверьми

отеля посверкивали бронзовые перила парадной лестницы.

— Можешь не беспокоиться, я не стану ставить тебя в неловкое положение, — сказала она.

На протяжении всего ужина она позволила Тому Хеффернану подливать ей вина и пялиться на ее грудь, пока сама она бросала сердитые взгляды на сидящего напротив Джеймса. Она курила одну сигарету за другой, и в пепельнице перед ней собралась горка окурков. На ней были черные кюлоты из сатина и топ с глубоким вырезом, а короткий пиджак-боле-ро в пару к кюлотам она скинула сразу же по прибытии. Обладая узкими плечами и широкими бедрами, она специально подобрала такой наряд — чтобы подчеркнуть верх и замаскировать низ. Обычно Джеймс не скупился на комплименты по поводу ее внешнего вида, но сегодня он старался не сталкиваться с ней взглядом. То есть все за столом восхитились ее сегодняшним образом, тогда как собственный муж сидел с одной и той же порцией виски, купленной в самом начале ужина. Накрыв бокал ладонью, он нервно раскачивал его, словно боясь, что ему сейчас дольют.

Она все гоняла по тарелке говяжью вырезку, а когда подали профитроли, проигнорировала их и вытащила из пачки очередную сигарету. Когда Джеймс заговорил о важности развития всевозможных бизнесов в их городке, она уставилась на светильник под потолком, представляющий собой длинный цилиндр со стекающими каплями стеклянных бусин. Если целую минуту смотреть сквозь сигаретный дым на этот свет, все бусины сливаются в единое целое, и, таким образом, можно абстрагироваться от мужниного голоса. Послышались аплодисменты, а она продолжала

ла сидеть, сплестя руки и опершись локтями о стол. Когда Джеймс сел на свое место, мужчины не преминули подойти и одобрительно похлопать его по спине.

— Ты прав, старик, — сказал Манус Суини. — Чертовски прав. Городские сообщества спасет лишь упорный труд. Нельзя полагаться на государственное финансирование.

— Что ж, Манус, я старался не говорить в лоб, но так оно и есть. Нынче много развелось желающих получить задарма все и сразу. Не хотят работать.

Все закивали, засоглашались, а Иззи повернулась к соседнему столику, за которым сидели Шон Кроули и Энн Дивер. В их компании Энн была единственной женщиной, и большинство мужчин за этим столиком были холостяками и не имели спутниц, которых можно было бы привести на подобное мероприятие. Шон о чем-то доверительно переговаривался с соседом, а сидевшая справа от него Энн выглядела так, словно ее приткнули на крайний стул в самую последнюю минуту. Словно сожалея о неправильном выборе, она все время тербила мочку уха, прикрывая ладонью вычурную сережку из серебра, едва не достающую ей до плеч. Проработав много лет официанткой в отеле «Харбор Вью», она скорее привыкла обслуживать званые ужины, а не присутствовать на них, и Иззи решила улучшить момент и поболтать с ней до окончания банкета. Бедняжка Энн: с Шоном не особо пообщаешься, он не умеет вести светские беседы. Конечно, он достаточно воспитан, чтобы не отмахиваться, если заговорить с ним, но на таких мероприятиях он всегда скучает. И снова, в отличие от остальных, пришел без пиджака и галстука.

— Господи, что за чудик, — прошептала ей Тереза Хеффернан. — Столько денег имеет, а не удосужился надеть глаженую рубашку.

Иzzi на секундочку призадумалась, а потом сказала:

— Что ж, теперь для этого у него есть Энн.

— Да, но эта-то опять нарисовалась.

— Кто?

— Коллетт.

— В самом деле? — Иззи затынулась сигаретой. — Но она уж точно не гладила ему рубашки.

— Она заявила сегодня в фабричный офис, такая наглая, и сказала, что ей нужно поговорить с Шоном. Пробыла у него две минуты и вышла недовольная.

— Может, узнала, что у Шона появилась другая. — Иззи до сих пор не могла переварить новость, что Шон связался с тихой, домашней Энн, которая большую часть своей взрослой жизни пробыла вдовой. Да, они с Шоном почти одногодки, хоть в этом есть какая-то логика, но в остальном она была полной противоположностью Коллетт.

— Говорят, он не дает Коллетт видеться с детьми, — сказала Тереза.

— Правда? — удивилась Иззи. — Пожалуй, это уже перебор. Как можно отлучать мать от собственных детей?

Тереза шагнула к своей пепельнице и стряхнула в нее пепел.

— Что ж, значит, у него имеются на то веские причины, — сказала она.

Иzzi хотела было возразить, но ее отвлек Джеймс. Он заговорил, тыча пальцем в стол:

— Моим родителям никто ничего не приносил на блюдечке. Им все пришлось добывать собственным трудом.